Литературная страница

* * *

ГОРОД МОЙ

Ты проходишь легкою походкой
Мимо сада, где цветущий клен.
Кланяясь зеленою бородкой,
Отдает тебе немой поклон.
Он сейчас такой пахучий, липкий..:
Над тобой, над садом молодым,
Солнце расплывается в улыбке,
Небеса синеют словно дым.
Дорогая! Погляди, послушай.
Новой жизнью полон город твой.
Здесь проносят громкую «Катюшу»
Дружные бойцы по мостовой;
Там, с высокой крыши, из столицы
Радио бессменное поет...
Всюду, стоголосый и столицый
Песенный и красочный полет.
Вдалеке вздыхая, точно рядом,
Громыхает коксохимзавод..
Каждый уголок своим нарядом
Дорог одинаково, зовет!..
Снова у трамвайной остановки
Мы с тобой встречаемся и ты
Этой встрече рада, как обновке,
И даришь мне «здравствуй», как цветы.
Не заглянет в душу грусти холод,
Были очи многое сулят!
Так споем же про «любимый город»
Про «зеленый сад и нежный взгляд!»

М. НЕБОГАТОВ.

Черемуха

Словно снегом запорошена
Белой чешуей
Ты, черемуха хорошая,
Расцвела весной.
Ароматом пьяно-сладостным
Ты душистая полна.
И стоишь в сияньи радостном,
Солнцем вся напоена.
Все любуешься, как в зеркале,
В глади речки голубой,
И серебряными ветками
И кудрявой головой.
На закате солнца слышишь ты
Песню, что весны нежней.
На траву узором вышитым
Тень ложится от ветвей.
И меня пути дорожки
В сад зеленый привели,
Где черемуха сережки
Опустила до земли.

А. ПОЛОЗОВА.

На снимке: приехавшие в Кемерово московские писатели Иван Молчанов и Август Явич.
Фото С. Табашнева

Иван Молчанов.

Дорога угля и металла

(Песня томских железнодорожников).

1.

По зеленой сибирской равнине,
Где листва, как весна, молода,
Где струится веселая Иня, —
Днем и ночью идут поезда.
Над мостами, над Обью лучистой
Золотые плывут облака...
Разливается зов голосистый,
Соловьиное пенье гудка:

Припев.

Сверкают сибирские росы
Алмазами синих огней...
Эгей, веселее колеса,
Плывите составы дружней!
Работы вам будет не мало,
Почетная доля дана:
Дорогой угля и металла
Гордится родная страна!

2.

Пролагаются новые трассы,
Одеваясь в железо и сталь,
Лес и уголь, металл из Кузбасса—
На большую идут магистраль.
Над вагонами, полными хлеба
С черноземных сибирских полей
Рассиялось хорошее небо
И вагоны поют веселей:

(Припев)

3.

Благодатному краю такому—
Сердце, руки, хозяйственный глаз,
Что бы каждое слово наркома
Было делом геройства у нас.
Большевистские светят высоты
По лесам на просторах полей...
Так поднимем же нашу работу,
Будет песня — помощницей ей:

(Припев)

СТИХИ О НАШЕЙ БАБКЕ

Давним родом из поморок,
Не сварлива и не зла —
На раз'езде номер сорок
Бабка старая жила.

За плечами лет охапка,
Но не тянет бабку печь:
Нанялась товарищ — бабка
Склады топлива стеречь.

Стерегла она исправно,
Очень зорко стерегла:
Только с бабкою недавно
Здесь история была:
Обходила бабка склады,
Села бабка на пенек,
Видит: два каких то гада
Теплят тихий огонек.
В котелке вздыхает каша,
Котелок на таганке...
Закипела бабка наша
Пуще каши в котелке.
— Ах вы, гады—перегады...
И пошла, пошла, пошла...
На ружьишко, как и надо, —
На прицел двоих взяла.
Часом тем пришел почтовый.
Паровоз под воду стал.
Чин милиции суровый
Дело мигом разобрал:
— Что за пакость? Вот так пара.
Эта дичь не без зубов
... оказались кашевары
Из заморских ястребов.
И пока наряд военных
Собирался взять двоих —
Сторожила бабка пленных,
Как поленницы свои.
А когда с тяжелым гулом
Поезд путь продолжил свой,
Посмотрела бабка в дуло,
Покачала головой:
— Дуй вас, чертовы бароны
Из породы воронья!...
Жалко... не было патрона
Показала-б кашу я.

РУДНИЧНОЕ УТРО

Смывает горячим расцветом
Последнюю копоть земля,
И шахты гудковым приветом
Встречают рождение дня.
Востока синеющий росчерк,
Дневной отмечают наряд,—
И вот у ходков многоточьем
Расцвел электрический ряд.
Лишь солнце слегка наследило
На серых холстинах дорог,—
В забое, в цеху, на стропилах
Был труд и расчетлив и строг.
Здесь пылкие пилы потели
Душисто-сосновой смолой,
Чтоб во-время крепи успели
Поставить в ударный забой.
Там строек высокие плечи
И теплый загар кирпича
Торопятся к солнцу навстречу,
Лучистую радость встречать.
А там, где крепчала веками
Забоя широкая грудь,
В шахтерскую вписано память:
«Осилить намеченный путь!»
Осилить, чтоб поступью стали
Крепчали к победам пути,
Чтоб солнечной цвелью сияли
Земли молодеющей дни.

А. МОШКОВСКИЙ.

* * *

Встречи с писателями

В произведениях советских писателей наш народ видит выражение чувств, стремлений и замыслов людей сталинской эпохи. Вот почему наш народ высоко ценит художественные произведения, питает горячую любовь к писателям, этим инженерам человеческих душ. Любовь народа советские писатели чувствуют постоянно. Эта любовь очень ярко выражена в том, что лучшие представители нашей литературы избраны в высшие органы власти—Верховные Советы СССР, союзных и автономных республик, награждены орденами и медалями Советского Союза. Эта любовь также выражена и в том, что книги советских писателей расходятся по стране миллионными тиражами, что встречи читателей с писателями, привлекают огромные аудитории и проходят в тесном содружестве.

Об этом ярко, например, свидетельствуют встречи московских писателей Августа Явича и Ивана Молчанова с трудящимися Кемерова. Клубы шахт «Центральная» и «Северная», где 24 и 25 июля проходили литературные вечера, были переполнены народом.

26 июля в клубе ГРЭС состоялась встреча писателей с работниками Кемеровского Энергокомбината. Она прошла очень живо, интересно. Присутствовало около 500 человек.

С огромным вниманием присутствующие выслушали выступление писателя Августа Явича. Товарищ Явич говорил о росте культуры, искусства и литературы страны социализма, о молодом человеке нашего времени, о герое сталинской эпохи. Писатель привел яркие факты, характеризующие упадок буржуазной культуры, моральное и нравственное разложение «героя» зарубежной литературы.

—Наша действительность поистине героична, — заканчивает свое выступление тов. Явич.—За последнее время у нас из самой гущи народа выдвинулся целый ряд замечательных людей, настоящих героев. Эти люди—пламенные патриоты земли советской—бойцы и командиры нашей доблестной Красной Армии, показавшие чудеса героизма и военной доблести в боях у озера Хасан, на Халхин-Голе, в лесах Финляндии, во время освобождения из под ига бывшей панской Польши наших единокровных братьев западных белоруссов и украинцев, освободившие от ига румынских бояр трудящихся Бессарабии и Северной Буковины. Об этих героях советские писатели создадут замечательные книги.

Затем выступил с читкой своих произведений поэт Иван Молчанов. Он прочел свою поэму «Два сына», стихотворения «На краю шахтерского поселка», «Случай с Буденным», «Стихи о нашей бабке», «Курортную драму», «Профессор и яйцо», «Стих о великом друге», посвященный великому пролетарскому писателю А. М. Горькому. Писатель Август Явич прочел свой новый рассказ «Эльзете».

В заключение тт. Явич и Молчанов ответили на многочисленные вопросы, которые им задали присутствующие на вечере товарищи.

В Кемерове тт. Явич и Молчанов пробудут до 31 июля.

Публикуемая сегодня в «Кузбассе» литературная страница, подготовлена к печати при активном участии товарищей Молчанова и Явича.

Я. ИЗОТИКОВ.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Гроза умолкла за селом,
Ручьи по улицам направив.
Под солнцем — сохнет каждый дом,
И небо — в радужной оправе
И я с товарищем иду,
И нас встречает зелень улиц.
Запели птицы,
А в саду
Цветы все к солнцу повернулись.
И небо вымыто грозой
До синевы,
До блеска даже...
А полдень солнечный какой!
О нем словами не расскажешь,
Под солнцем — сохнет каждый дом,
Звенит капель,
Дымятся крыши...
Мы к детству своему идем,—
К ватаге шумной ребятишек
Свои кораблики они
Спустили на воду и рады
—«Седов», попробуй,
Догони,
Линкора моего «Марата»!
Мой друг!
Мы тоже корабли
Пускали по ручьям проворным
И по воде победно шли
До слез любимые «Авроры».
Кем дети будут?
Предсказать,
По-моему, ничуть не рано
И я читаю в их глазах,
Что каждый будет
Капитаном.

Л. ИВАНОВ.

Август Явич

ЭЛЬЗЕТЕ*)

Пьяница Овши пропил свою дочь Эльзете старому слепому Хамбо, от которого всегда дурно пахло. Когда Хамбо гулял по поселку, ощупывая дорогу кривой клюкой, девушки прятались: люди утверждали, что нюх заменял слепому зрение.

В тот час, когда шестнадцатилетнюю Эльзете насильно втолкнули в кибитку и заперли на первую брачную ночь, она еще не знала, кто ее муж. Она узнала Хамбо по запаху. Она отшатнулась и хотела бежать, но слепой схватил ее. Она молча и бешено сопротивлялась.

Чуть приподняв полог кибитки, парни старались подглядеть тайну первой ночи,—таков обычай. Женщины лениво отгоняли озорников. Эта беспокойная возня у тонких войлочных стен наполнила кибитку тревожным шелестом.

На утро Эльзете вышла, чтобы посидеть у порога,—так велит закон. Ничто не изменилось в степи со вчерашнего дня. но Эльзете не узнавала ее: печально и сурово возникала степь в тумане стремительно мчавшегося снега.

Люди попрятались от стужи по тесным и смрадным юртам, никому не было дела до Эльзете, и молодая женщина, покорно сгорбившись, заплакала.

Трижды окликал жену Хамбо, потом вышел, долго шарил палкой и пробудил Эльзете ударом.

— Сука, — прошипел он с ненавистью; он не мог простить ей неслыханного сопротивления.

Вскоре она забеременела и совсем присмирела. Она боялась появляться на людях, чтобы никто не догадался, что она понесла от слепого. Но люди заметили ее тугой, острый живот; весело подталкивая друг друга, они осторожно хихикали:

— Несет слепого.

Обычно Хамбо спал на кровати, а Эльзете с грудным младенцем на земляном полу. На рассвете Хамбо будил ее пинком, высовывая из-под дерюги волосатую ногу с кривым, толстым пальцем.

Хамбо тотчас прятал ногу, а Эльзете вставала, дрожа от холода, разводила огонь и варила мужу калмыцкий чай. Напившись чаю, он уходил на весь день гулять и пьянствовать.

Эльзете говорила мужу „вы" и не смела произнести его имя. Закон запрещал называть старших в роду мужчин по имени.

Впервые улыбнулась она, глядя как смешно морщит нос маленький зрячий Аксен. Вечно голодная, в единственном кожухе и зимой и летом, работая с утра до ночи, она не замечала, как идут годы. А в долгие зимние ночи баюкала сына и пела ему:

— Спи, сынок, спи! Ты вырастешь сильным и смелым калмыком. Если туча похожа на верблюда, небу беспокойно, если в жизни нет добра, людям больно. Жизнь без добра, как безлунная ночь,—темно и страшно. Спи, мой сын, спи!

Мальчик был смышленый, резвый, хорошо скакал на лошади, смело дрался с товарищами. А когда Хамбо обижал жену, она с трудом удерживала сына, чтобы тот не кинулся на слепого отца.

В десять лет у мальчика покраснели веки. Эльзете знала, что и Хамбо не родился слепым. Она металась в поисках спасенья, но в степи в ту пору бушевала гражданская война.

Эльзете привела сына в монастырь к лекарю. Гелюнг (монах) оглядел мальчика, потом зажал ему глаза пальцами, так что ребенок взвизгнул от боли.

— Все мы в руках божьих—проговорил монах,—молись женщина!

Он зажег плошку, долго бубнил, раскачиваясь, звонил в колокольчик, снова бубнил и опять звонил, пока ему не надоело. Тогда он погасил плошку—жаль было масла,—и, собрав ничтожные молитвенные пожитки, сказал:

— Дух болезни сына в гнилом теле отца, но боги милостивы, иди женщина! И велел примачивать глаза мальчику мочевой пеной.

Эльзете исступленно молилась бурханам, принося им последние крохи в жертву. Но боги были ненасытны, тогда как Эльзете голодала по целым неделям.

Аксену же становилось все хуже и хуже: веки его были ослепительно красны, за ночь они склеивались, утром он потными, дрожащими руками раздирал их, скрежеща зубами от боли.

Слыша страдания сына, Хамбо, у которого с похмелья гудела голова, мрачно говорил:

— В твои годы я уже был слеп, как тарань. У меня не стало смелости раздирать себе глаза. Твой дед перед смертью ножом надрезал себе сросшиеся веки, чтобы увидеть степь в последний раз. Он увидел слепого сына и умер.

Но вот в степь пришли новые люди и построили больницы. Эльзете тайком отправилась с сыном к русскому доктору. Она сказала мужу, что идет в отдаленный монастырь. Она принесла доктору жирный кусок баранины, завернутый в платок. Но он не взял подарка, напугав Эльзете своей строгостью.

— Это вы сами с'ешьте. И сына накормите. Не плачьте, милая, не плачьте, мы вылечим вашего сына,—добавил он ласково и потрепал ее по плечу.—Ай-ай-ай, как запущено, как запущено.—Он стал что-то делать с глазами Аксена.

А Эльзете смотрела на доктора, на его загорелое лицо, на его белый халат, на синие палочки в его руках, на большие и малые пузырьки, столпившиеся на столе, и молилась им всем в своем сердце.

На обратном пути Аксен радостно смеялся:

— Когда доктор гладил мои глаза острыми камушками, я чувствовал, мама, как из них выходит соль и песок. Мама,мама, я не буду слепым?

— Ты не будешь слепым, мой сын! —сказала Эльзете.

В кибитке спал пьяный Хамбо. Мать и сын остались на пороге, боясь его разбудить.

Закат увядал, удлинялись прохладные тени.

Мать и сын слушали, как храпит слепой: точно в горле его что-то закипало и вырывалось изо рта и носа со свистом, клекотом и бульканием. Вдруг храп оборвался.

— Кто здесь?—спросил Хамбо—жена, сын, пропади вы пропадом, где вы? По монастырям шляетесь?—Палка его застучала по войлоку и круглым ребрам кибитки.

Он появился, большой, тяжелый, шаря перед собой палкой; она была толстая, суковатая и загнутая, и не знала ни минуты покоя.

— Старая, вари арьку[1]) для смотрин,—сказал Хамбо.—Я нашел тебе невесту, Аксен! Ее зовут Аэльте. Завтра поедем смотреть. Надо торопиться.

Узнав, что жена и сын были у русского доктора, он озверел, рычал, плевался, размахивал палкой и проклинал их чумой, холерой и искоренением рода.

Потом прибежал гелюнг, чтобы плюнуть на порог нечистой юрты.

— Из вонючей кибитки вонючий дым идет,—крикнул он злобно. Утром отец и сын поехали смотреть невесту. Эльзете весь день просидела у юрты, глядя на дорогу, с которой суховей неустанно сгонял пыль. Она шила сыну мохнатую зимнюю шапку и думала о невесте по имени Аэльте, которой еще не было шестнадцати лет. И вдруг вспомнила злой смех людей, шептавших ей вслед: несет слепого.

Был полдень, и зной, и бестенье, и слышно было, как в тишине поблизости жует верблюд.

Тогда костистые, худые, сморщенные пальцы Эльзете начали судорожно вертеть мохнатую шапку, как бы в поисках выхода из замкнутого круга.

Отец и сын вернулись, утомленные смотринами и дорогой. Аксен завалился спать, Он спал и улыбался. Подле него курила свою длинную черную трубку Эльзете, слушая его ровное дыхание.

Неподалеку от кибитки на берегу соленого мелкого озера с оголившимся кое-где серым дном сидел пьяный Хамбо и громко, хвастливо спорил с калмыками.

— Чье седло лучше, ха!.. Раньше, чем чорт украл свет из моих глаз, у меня было такое седло... на него с завистью смотрел сам нойон[1]) Тондут. Когда я скакал по степи, седло мое пылало, как солнце.

— И тебе не было жарко?—насмешливо спросил кто-то.

Но слепой не слышал, он взволнованно лгал о чудесном скакуне, которого никогда не имел. И хотя все знали, что он врет, но слушали с восторгом.

Надвинулась сухая ночь, поселок блестел вечерними кострами; над степью всходил полный месяц; слышались голоса, песни, смех, лай собак.

Эльзете раздула огонь; щербатый кизяк вспыхнул с треском и стаи искр поднялись и полетели в темный вырез неба. Эльзете варила на ужин крепкий бараний суп. В котле шипела и ворчала вода.

Проснулся Аксен. Некоторое время он тяжко сопел в своем углу, силой открывая глаза. Вдруг закричал, закричал так, что огонь рванулся под ноги матери.

— Я не хочу быть слепым! Я хочу видеть Аэльте, я хочу видеть степь, и солнце, и звезды...—Слезы брызнули из его глаз.

Тогда мать положила его голову к себе на колени и стала гладить и утешать сына.

В это время возвратился Хамбо. Стуча палкой по кибитке, он звал:

— Жена, помоги слепому мужу, сын, помоги слепому отцу.—У него был нюх пса.—Разве я болен, что ты варишь шулюн[2]),старая?—спросил он, переступив порог.

— Нет, вы здоровы. Нанджил одарила нас бараниной. Я немного поработала у нашей соседки.

Он сел есть; он чавкал и рыгал.

— Вкусный шулюн,—хвалил он.

Потом улегся и потребовал, чтобы жена согрела ему постель. Она повиновалась! Но сын, неслышно плакавший на земляном полу, крикнул:

— Не иди мама!

— Молчи, собачий сын,—закричал Хамбо, рассви репев.

Аксен вскочил и бросился на отца с кулаками.

— Старая слепая собака, убить тебя мало.

Эльзете удержала сына.

А слепой Хамбо шарил трясущимися руками и бормотал:

— Где моя палка... я ничего не вижу. Где моя палка?

Костер посинел, мягкий свет его рассеялся и трепетал во мгле. В степи утихли и голоса, и смех, и лай собак. В откинутый полог юрты далеко виднелась светлая степь, ясная и спокойная.

Эльзете согрела постель мужу. Он заснул. Тогда Эльзете дотронулась до него и удивилась, какое горячее и упругое тело у слепого; и неожиданно, как двадцать лет назад, почувствовала его запах.

Она тихо сползла на пол.

Собрала небольшой узел с вещами и едой, разбудила сына и они неслышно покинули кибитку.

Заря застигла их далеко от деревни, они шли в город, в глазную больницу.

*) Из цикла „Калмыцкие рассказы", печатающиеся в № 6—7 журнала „Октябрь"

[1]) Арька—водка.

[1]) Нойон—князь.

[2]) Шулюн—суп.